

ЭЙМИ КАРТЕР

Феи,
единороги,
драконы!

Где они оказались?

ПРОКЛЯТИЕ ФЕНИКСА

Эйми Картер
Проклятие феникса
Серия «Анимоксы», книга 10
Серия «Анимоксы»
Серия «Анимоксы:
Наследники», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69547063

*Проклятие феникса:
ISBN 978-5-04-191226-0*

Аннотация

Кто мог подумать, что диковинные животные из мифов и легенд реальны! Однажды близнецы Зак и Лу узнали, что магический мир, о котором им в детстве рассказывала мама, действительно существует. И не где-нибудь, а прямо за их домом! Близнецов так и тянуло туда, словно магнитом, пока они наконец не отыскали дверь в волшебный мир. Но Зак и Лу не знали, что на переступивших границу «Диколесья» в тот же миг падает проклятие феникса. Теперь они как-то связаны с этим местом. Но как? И что означают метки, появившиеся на их ладонях?..

Содержание

1	5
2	9
3	16
4	23
5	29
6	42
7	57
8	68
9	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Эйми Картер

Проклятие феникса

Aimée Carter

THE WILDLANDS: CURSE OF THE PHOENIX

Text © 2021 by Aimée Carter

All rights reserved, including the right of reproduction in whole or in part in any form.

© Чамата Т. А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2023

Посвящается лучшему папе на свете.

И всем, кто терял любимых людей.

*Скорбь никуда не уйдёт,
но жизнь продолжается.*

1

Зак

Драконий хвост выглядел как-то странно.

Зак Хэдли склонил голову набок и с прищуром оглядел рисунок, который держал перед собой на расстоянии вытянутой руки. Он неплохо справился с единорогами, пасущимися в долине, и со штриховкой гор. Проблема была в драконе, который устроился на словах «Сага о Диколесье». Чем дальше Зак в него вглядывался, тем меньше он походил на дракона – скорее на пухлую ящерицу со слишком длинным хвостом. Ему не нравилось. В последнее время ему вообще не нравились его рисунки.

Разозлившись, он отбросил комикс, над которым работал, на край кровати. Всего месяц назад он бы уже стирал хвост, чтобы перерисовать его правильно. Может, сначала бы показал маме и узнал её мнение. А теперь...

В животе заурчало. Он глянул на часы и внезапно осознал, что уже три. Он пропустил обед. Или нет, ведь папа даже не звал его обедать.

Растерянный и голодный, Зак вышел в коридор, медленно ступая по деревянному полу. У лестницы он остановился и прислушался. Последний месяц папа работал из дома, а значит, из кабинета раздавалось клацанье клавиатуры, но

сейчас было тихо.

Слишком тихо.

– Пап? – позвал Зак. С колотящимся сердцем он бросился вниз по лестнице, чуть не поскользнувшись на полированном дереве. – Папа? Ты где?

Выбежав в гостиную, он едва не наткнулся на журнальный столик, где до сих пор стояли пустые банки из-под газировки и жирная коробка из-под пиццы, оставшаяся со вчерашнего вечера. Дверь в кабинет отца была закрыта. Зак потянулся к ручке, но замер в нескольких сантиметрах, и сердце сжалось в груди.

В этот раз всё было в порядке. Папа просто спал или сидел в наушниках, погружившись в работу. С ним ничего не случилось.

– Пап? – постучав, дрожащим голосом окликнул он и не стал дожидаться ответа. Просто приоткрыл дверь, представляя, как увидит отца сидящим в кресле и читающим книгу. Или похрапывающим, откинувшись назад с открытым ртом. Или...

Перед глазами мелькнуло непрошеное воспоминание. В тот день он тоже проголодался и спустился на кухню, чтобы узнать у мамы, не готов ли обед. Тогда он ещё не боялся тишины в комнатах, где должен был царить шум.

Он думал найти её помешивающей суп на плите или достающей тарелки из шкафчика. Но она лежала на полу без движения.

На мгновение Зак замер в дверях отцовского кабинета. Его пробрал холод, дыхание сбилось, но всё это не имело значения перед лицом худшего воспоминания всей его жизни. Прошёл уже целый месяц – месяц и четыре дня, – но Зак до сих пор не мог заставить себя пройти на кухню.

– Зак? – голос отца привёл его в чувство. Моргнув, он наконец-то увидел задёрнутые шторы и папу, который сидел за рабочим столом, приложив телефон к уху. – Всё в порядке?

– Я... – Зак попытался сглотнуть, но не смог, как не смог выдать ни единого звука. Перед глазами мелькали тёмные пятна, и он ухватился за дверную ручку, пытаясь устоять на ногах.

– Мерле, я перезвоню, – поспешно сказал папа в трубку. Бросив телефон на стол, он подбежал к Заку и встревоженно остановился рядом. – Ты в порядке? Тебе нужен ингалятор? Где он? – Папа заозирался, словно ожидал увидеть ингалятор среди разбросанных повсюду старых бутылок и документов, но, разумеется, ничего не нашёл.

Зак помотал головой. При виде отца паника начала отступать. Он знал, что путь в легкоатлеты ему заказан, но понимал, что тут виновата не обычная астма. В последнее время приступы случались всё чаще и чаще, но Зак подозревал, что, если расскажет про них отцу, тот просто снова потащит его к врачу.

– Ты просто... не позвал нас обедать, – хрипло сказал он.

– А, – ответил отец. Только сейчас Зак заметил, какие

красные и припухшие у отца глаза. – Точно. Обед. Разве с вечера ничего не осталось?

– Осталось, но я думал, что ты разогреешь, – сказал он и сам понял, насколько жалко это прозвучало.

Отец нахмурился.

– Тебе двенадцать лет, Зак, – мягко заметил он. – Ты сам можешь разогреть еду.

Зак поджал губы. Спорить было бессмысленно – они оба знали, почему он отказывается идти на кухню. Папа постоянно его уговаривал, но он просто не мог. Слишком свежим было воспоминание.

Отец вздохнул, сгорбив спину.

– Сейчас разогрею, но это последний раз, договорились? Завтра сам пойдёшь и...

– Пап! – вдруг донёсся пронзительный крик из прихожей, и входная дверь, распахнувшись, врезалась в стену. – Помоги! Папа!

2 Лу

Кое-как устроившись на невысокой ветви дерева, Лу Хэд-ли сверлила взглядом старого полосатого кота, который восседал выше. Тот неотрывно следил за ней единственным целым глазом, словно бросал вызов, и Лу скучала по временам, когда он не умел так хорошо лазить.

– Тебе нужно принять лекарства, Руфус, ты же сам знаешь, – сказала она, вцепившись в грубую кору. – А то каждый день одно и то же.

Руфус отвернулся и принялся вылизываться. Крепко сжав ветку ногами, Лу ухватила кота за загривок и осторожно сняла с дерева, тут же заворачивая в свитер, чтобы он не успел её оцарапать. – Поймала!

– Не понимаю, чего ты вообще с ним возишься, – окликнула снизу София Лопез, её лучшая подруга. Девочка сидела в траве на опушке леса, граничащего с их районом, и выпутывала репейник из длинной шерсти котёнка, пока остальная бездомная братия лакомилась принесённым угощением. – Мне кажется, он уже абсолютно здоров.

Держа свитер с Руфусом под мышкой, Лу перелезла пониже и спрыгнула с дерева.

– Лучше перестраховаться. У него всего один глаз.

Достав из кармана капли, она села рядом с Софией и с большим трудом уложила Руфуса на спину. Кое-как прижав его к земле, она с силой раскрыла ему единственный здоровый глаз и капнула одну-единственную каплю лекарства, ради которой всё затевалось.

Стоило ей ослабить хватку, как Руфус взлетел обратно на дерево, а Лу растянулась в согретой солнцем траве и впервые за день расслабилась. Учебный год наконец-то закончился – но радовалась она этому не по той же причине, что раньше. Вместо раздражения она теперь вызывала в учителях жалость, а одноклассники сторонились её. Даже тренер по лёгкой атлетике отправил её на скамью запасных до конца сезона, хотя она бегала быстрее всех. Теперь с ней общалась только София. Ну, ещё у неё был брат-близнец, и, хотя Лу до ужаса не хотела проводить лето в его компании, тот хотя бы не докучал вопросами, как у неё дела.

– Мне пора, – сказала София, закончив с репейником. Котёнок тут же спрыгнул с её колен и побежал к своим братьям и сёстрам. – Если я снова опоздаю на балет, мама меня приберёт.

Лу неохотно поднялась вслед за ней, стряхивая траву с тёмных волос, доходящих до плеч.

– Я же могу завтра зайти, да?

София фыркнула:

– Мама сказала, что ты хоть на всё лето можешь остаться.

– Серьёзно? – Лу подняла рюкзак. От него до сих пор пах-

ло кошачьим кормом, который она весь день носила с собой. – Ты от меня не устанешь?

– Нет, конечно. Ты же моя лучшая подруга. – София крепко её обняла. – Ладно, до завтра.

Лу проводила её взглядом. Вместе с одиночеством пришла знакомая грусть, но расстраиваться не было смысла, так что она расправила плечи и пошла в противоположную сторону. Пожалуй, если она проведёт лето у Софии, то будет не так уж и плохо. Папа наверняка разрешит, а брат даже не заметит её отсутствия – в последнее время он постоянно торчал в своей комнате. Но пусть она и пыталась поверить, что вдали от семьи ей будет лучше, прошлое всё равно давало о себе знать.

Задумавшись, Лу чуть не пропустила серо-белое пятно, мелькнувшее в зарослях травы. Ахнув, она аккуратно приблизилась и увидела раненого молодого енота, прячущегося среди сорняков и луговых цветов.

Она медленно присела, стараясь не напугать бедняжку. Он тяжело дышал и наблюдал за ней тусклым взглядом, но не шевелился. Закусив губу, Лу осмотрелась. София уже ушла, а больше на тихой пригородной улочке никого не было. Вот и что оставалось делать?

Ответ нашёлся только один, и Лу, решившись, осторожно завернула раненого енота в свитер. В отличие от Руфуса он не пытался сбежать, а просто повис у неё в руках. Лу прижала его к себе и поспешила домой, стараясь сильно его не

тревожить. Но с каждым шагом глаза енота закрывались всё больше, и Лу охватила паника.

До дома оставалось совсем немного, но Лу показалось, что до крыльца она добиралась целую вечность. Распахнув входную дверь, она бросилась в прихожую, в отчаянии прижимая енота к груди.

– Пап! – во весь дух закричала она. – Помоги! Папа!

И только она принялась проверять, не потерял ли енот слишком много крови, как послышался грохот шагов, и в прихожую, тяжело дыша, выскочил не отец, а брат.

– Что случилось? – отбросив со лба растрёпанные тёмные волосы, спросил Зак, но заметил енота и отступил, слегка пошатнувшись. – Лу, это же...

На мгновение застыв, она отвернулась от брата, закрывая енота собой.

– Что ты здесь делаешь? – в панике спросила она. – Ты же всегда сидишь наверху!

Но было поздно. Она вся была в кошачьей шерсти, да и енот явно переносил аллергены. Зак стоял совсем близко, слишком близко, и уже начинал задыхаться.

– Что у вас тут такое? – спросил папа, выходя из-за угла. Кажется, он недавно плакал, и на мгновение Лу, забывшись, уставилась на него с открытым ртом. Он не плакал со дня похорон.

– Я... – начала она, но хрипы Зака с каждым вздохом становились всё хуже. – Я нашла енота...

– Ты притащила домой енота?! – Отец тут же повернулся к Заку и схватил его за плечи, не давая упасть. – Зак, ты в порядке? Посмотри на меня, сынок.

– Простите! – всхлипнула Лу. – Он умирает, я не знала, что ещё делать!

– Ты прекрасно всё знала, – рявкнул отец, стремительно багровея. – Зак, сынок... Зак, посмотри на меня. Всё хорошо. Где ингалятор? Где ты его оставил? У себя в комнате?

Зак помотал головой, потому что не мог говорить. С колотящимся сердцем Лу дёрнулась было в сторону кухни, но папа вытянул перед ней руку.

– Ни шагу в дом, пока с тобой эта зверюга, – сказал он. Лу хотела бы возразить, но Зака трясло, и она, выскочив на крыльцо, аккуратно опустила завёрнутого в свитер енота, а сама побежала обратно. Её разбирала злость – и на себя, за то, что не удосужилась проверить, сидит ли брат в своей комнате, и на Зака, который вдруг решил впервые за месяц выйти оттуда.

Проскользнув мимо папы, она кинулась на кухню и рывком распахнула старенький ящик. Там лежала гора лекарств, выписанных на имя Захарии Хэдли, организованная по маминой системе. Даже не удосужившись прочитать этикетки, Лу схватила жёлтый ингалятор, упаковку таблеток и шприц-ручку с эпинефрином и побежала обратно в прихожую.

– Держи. – Сняв с ингалятора колпачок, она пихнула его брату в потные руки. Тот поднёс флакон ко рту, нажал и

вдохнул лекарство. Лу наблюдала за ним с мрачной решимостью, а как только стало понятно, что эпинефрин уже не понадобится, – вскрыла пластиковую упаковку и достала таблетку.

– Что это? – в панике спросил отец. – Что ты ему дала?

– Лекарство от аллергии, – пробормотала она, не сводя взгляда с брата. Постепенно его хрипы сошли на нет, и он, проглотив таблетку, привалился к стене, тяжело дышащий, но живой. – Отвези его в больницу. Врачи, наверное, просто дадут подышать через респиратор и выпишут какие-нибудь антибиотики, но всё равно лучше не рисковать. Мама всегда с ним ездила.

Отец провёл ладонью по руке Зака, тревожно, но гневно хмурясь.

– Чтобы я этого паразита даже близко у дома не видел, – резко обратился он к Лу. – И шерсть за ним убери. Ты чуть не убила Зака, Лу. Он же мог...

Он осёкся и поспешно вытер глаза. Всё лицо у него было красным, и Лу судорожно сглотнула.

– Я просто хотела помочь еноту, – пробормотала она. – Прости.

– Одних извинений недостаточно, – хрипло сказал папа. – Особенно когда на кону жизнь твоего брата. – Он помотал головой, и на мгновение Лу увидела в нём те же отчаяние и боль, что чувствовала сама. – Я так больше не могу. Я не справлюсь без вашей мамы, я... я не могу.

– В смысле? Ты о чём? – испуганно спросила Лу.

Отец на мгновение замер, крепко сжав плечо Зака.

– Я перезвоню Мерле, скажу, что согласен, – наконец, произнёс он, не поднимая глаз. – Я пытался, честно, пытался, но... Нет, я не могу. Может, чуть позже. Но не сейчас. Простите.

– Мерле? Кто это? – растерянно спросила Лу, но отец не ответил. Он повёл Зака к машине, и она проводила их взглядом, окончательно сбитая с толку.

Что это только что было?

3

Зак

Вечером, когда Зак вернулся из больницы, где бывал уже сотню раз, отец усадил их в гостиной и всё-таки рассказал, кто такая эта Мерле.

– Это тётя вашей мамы. Ваша двоюродная бабушка, но вы тоже можете звать её тётей, – хрипловато сказал он, сцепив руки в замок. – Она живёт в Англии.

– А, – произнёс Зак, бросив взгляд на сестру, которая за весь вечер не сказала ни слова. – Я не знал, что у мамы остались родственники.

Лу помотала головой. Видимо, она тоже не знала.

Отец ответил не сразу, и очень быстро повисшая тишина стала невыносимой. Зак не знал, что именно хочет сообщить им отец, но чувствовал, что его слова изменят их жизнь. Очень сильно изменят.

– Тётя Мерле позвала вас к себе на каникулы, – наконец, тускло и безжизненно сообщил им отец. – И я согласился.

Зак смотрел на него и ждал продолжения шутки. Ведь он шутил, точно шутил – они впервые слышали про тётю Мерле, а из-за аллергий и астмы Зак не мог даже ходить в школу с Лу, что уж говорить про каникулы за границей.

Но отец тоскливо смотрел на них, и с растущей внутри

пустотой Зак понял: это не шутка.

– Но... но как же моя аллергия? – дрогнувшим голосом спросил он. – Все мои врачи здесь.

– В Англии тоже есть врачи и больницы, – сказал отец. – Простите меня. Правда, простите. Но я...

– Но ты так больше не можешь, – ядовито выплюнула Лу, удивив даже Зака. – Не можешь воспитывать собственных детей.

Отец не ответил, просто встал и ушёл в кабинет, оставив Зака наедине с клокочущей яростью Лу. Он часто так поступал, и за шоком такие мелочи Зака не волновали.

– Мама бы нас не бросила, – сказала Лу, меряя шагами гостиную. Под ноги ей подвернулся сальный пакет от фаст-фуда, и она пнула его походя. – Если бы она знала, что папа устроит...

– Он не виноват, – пробормотал Зак. Весь его мир вдруг перевернулся с ног на голову. – Мамы больше нет.

– Думаешь, я не знаю? – поинтересовалась она, сжав руки в кулаки. – Она вообще-то и моя мама тоже.

К щекам прилил жар.

– Да я просто... ты же его видела. Он не знает, что делать. Он никогда с нами не сидел.

– Да, и кто в этом виноват? – сказала Лу. – Он мог бы найти работу в Чикаго, просто не захотел. Потому что мы ему не нужны.

Во рту пересохло, и Зак не смог возразить. Он давно по-

дозревал, что это из-за него отец практически всё их детство колесил по стране пять дней в неделю, уходя из дома утром понедельника и возвращаясь вечером пятницы. Мама постоянно твердила, что Зак не обуза, что она не против возить его по врачам и иногда оставаться в больнице, что никому не мешает аптека, в которую превратился кухонный шкафчик. Но мама умерла и больше не могла оградить Зака от жестокой реальности, в которой он никому не был нужен. Даже хуже; для окружающих он был лишь головной болью, с которой приходилось мириться.

И сегодняшний день это подтвердил.

* * *

Утром отец купил им новые чемоданы. Зак не стал спорить – разве он мог, когда изначально и был корнем проблемы? Только Лу провела следующие два дня в бешенстве, постоянно усложняя всем жизнь. Она умоляла, отказывалась есть, захлёбывалась в рыданиях, но отец так и не передумал: он твёрдо решил, что они проведут лето в Англии у родственницы, которую ни разу не видели, и точка.

Именно поэтому несколько дней спустя полночь застала Зака в самолёте, в сотне километров над уровнем Атлантического океана. Рядом похрапывал отец и дулась сестра, свет в салоне давно приглушили – люди спали, и вокруг стояла зловещая тишина.

Ему было скучно и не с кем поговорить, поэтому он достал свой комикс, открыл его на первой странице и тут же наткнулся на пухлого дракона, который смотрел на него с рисунка. Мысленно Зак вздохнул. Может, лучше стоило немного поспать.

– Что рисуешь? – голос Лу раздался так близко у уха, что он дёрнулся. Сестра перегнулась через подлокотник, разглядывая картинку.

Зак неловко пожал плечами, краснея, и поспешно перелистнул страницу.

– Ничего. Ерунду всякую. Я ещё не закончил.

Лу фыркнула.

– Ну извини, что спросила, – буркнула она и отвернулась к окну, подтянув колени к груди.

Зак закусил губу. Он не помнил, когда она в последний раз интересовалась его творчеством. Не помнил, когда вообще их разговор не переходил в ссору. Но им обоим пришлось нелегко, так зачем было расстраиваться ещё сильнее?

С большой неохотой Зак вернулся на первую страницу. Под названием «Сага о Диколесье» девочка с пылающим мечом скакала верхом на единороге. Она вышла очень даже неплохо. Может, Лу не обратит внимание на дракона.

– Это комикс, – сказал он. – Мы с мамой начали его до её... – Он часто заморгал. – Помнишь её сказки про Диколесье? Про заповедник с драконами, единорогами и русалками...

– Помню, – сказала Лу, прижавшись лбом к стеклу. – Она не только с тобой проводила время вообще-то.

Внутри что-то оборвалось, и он уткнулся взглядом в раскладной столик. Всю жизнь он только и делал, что наблюдал за Лу. Она играла с друзьями на улице, ходила в настоящую школу, гладила кошек и собак и ела всё, что хотела. Единственное, что мог делать он, а она не могла, – это рисовать с мамой комикс про Диколесье. И всё.

– Может, папа передумает, когда мы приедем к тётке Мерле, – тихо сказал он, проворачивая карандаш в пальцах.

Лу, не отлипая от окна, фыркнула:

– Ну да, конечно. И пойдёт шоколадный дождь.

Зак обернулся на отца, но тот не проснулся.

– Ну, шанс есть, согласишься? Если у меня разыграется аллергия, я не смогу остаться. А у старушек обычно повсюду пыль, кошачья шерсть и цветы.

Лу ответила не сразу. Лишь через пару секунд обернулась к нему.

– А вдруг так и будет?

В кои-то веки она смотрела на него и видела не ябеду, а сообщника, с которым можно задумать шалость, и по телу пробежала азартная дрожь.

– Ну, тогда у меня случится приступ, и папе придётся забрать нас домой, – прошептал он.

Глаза Лу загорелись, и она наклонилась ближе, тоже переходя на шёпот:

– Я, конечно, ничего не говорю, но...

– Но я могу спровоцировать приступ, – медленно произнёс он, поспешно соображая. – Если придётся.

Лу помедлила, словно никак не могла решиться.

– Только не до больницы, – твёрдо сказала она. – Но так, чтобы папе пришлось нас забрать. Сможешь?

Зак задумался. Он ещё ни разу не провоцировал приступ специально – мама бы расстроилась, и он не хотел предавать её память. Но он не мог просто сдаться. Она бы его поняла и сама бы хотела, чтобы их семья оставалась вместе.

– Думаю, да.

Лу улыбнулась впервые за месяц. По крайней мере, уголки её губ приподнялись, а во взгляде засияла решимость.

– Тогда мы сможем вернуться, – сказала она. – Это опасно, но...

– Я справлюсь, – заверил Зак. Глубоко внутри он понимал, насколько ужасна эта затея, но счастье сестры того стоило. В кои-то веки у него появилась возможность помочь ей, а не только путаться под ногами.

Она придвинулась ближе и заглянула в скетчбук.

– Я так его и представляла, – тихо сказала она. Уже не так резко, ведь у них появился план. – Диколесье. Мне постоянно снились персонажи из маминых сказок.

– И мне, – признался Зак, скользя карандашом по морде дракона. – Да и до сих пор снятся. И она тоже – сидит там и ждёт, пока мы её найдём.

Лу не ответила. Только какое-то время спустя коснулась рисунка девочки с пылающим мечом.

– Это мама? – спросила она.

– Да, – ответил Зак и краем глаза заметил, как сестра вытирает слезу, скользнувшую по щеке.

– У дракона слишком толстый хвост, – прочистив горло, сказала она. – Как будто опухший.

Зак задумчиво поджал губы, не сводя взгляда с девочки на единороге.

– Откуда ты знаешь? Видела настоящих драконов?

– А ты? – парировала она, но ухмыльнулась, когда Зак бросил на неё взгляд. Вернувшись к рисунку, он принялся стирать карандашный набросок. Оставалось только надеяться, что их план сработает и лето всё же не обернётся кошмаром.

4 Лу

Самолёт приземлился вскоре после рассвета, и Лу вышла из него, практически вибрируя от предвкушения.

Вовсе не потому, что хотела увидеть Лондон – пусть мама и выросла здесь, сама Лу ни разу не была в Англии и не планировала оставаться. Но чем быстрее они с Заком доберутся до тёти, тем быстрее смогут воплотить в жизнь новый план и вернуться в Чикаго, и тогда она успеет извиниться перед Софией.

Когда Лу сказала ей, что уедет, они сильно поссорились. София обвинила подругу в том, что она сама захотела уехать в Англию, а потом убежала в слезах, оставив расстроенную Лу в одиночестве, которое напомнило о первых днях после неожиданной смерти мамы. Она просто хотела поговорить с Софией и убедиться, что они всё ещё друзья, потому что сейчас Лу в этом сомневалась. А ей очень не хотелось всё лето гадать, осталась она без лучшей подруги или всё-таки нет.

Отец вёл их через аэропорт Хитроу, такой же шумный и многолюдный, как аэропорт О'Хара в Чикаго, но из-за того, что погрузилась в собственные мысли, Лу этого не замечала. Чтобы план сработал, ей нужно поговорить с папой. Это

немного расстраивало, ведь сейчас она упорно его игнорировала. Но длинные коридоры и бесконечная очередь на таможне тянулись мимо, а он словно не замечал, что она отказывается с ним говорить. Или замечал, но ему было всё равно.

Маме бы не было. Она бы принесла Лу мороженое и попросила поговорить по душам. Но отец так редко бывал рядом, что раньше у Лу попросту не было повода на него злиться, ведь она всегда с нетерпением ждала его возвращения.

Пока она раздумывала, как убедить его вернуться в Чикаго, они вышли в шумный зал ожидания. Все вокруг останавливались, приветствуя родственников, друзей и иногда даже шофёров. Лу морально подготовилась долго лавировать через толпу, но отец вдруг резко остановился.

– А вот и тётя Мерле, – сказал он, направляясь к низенькой круглой женщине с копной непослушных чёрных волос с редко проглядывающими серебряными ниточками. В руках она держала рукописную табличку: «Добро пожаловать, Захария и Таллула!» Маленькие нарисованные цветочки украшали их имена.

Лу опасливо покосилась на Зака. Почему тётя Мерле встречала их в аэропорту?

– Мерле? – спросил отец, подходя к ней. – Я Кэл Хэдли, а это...

– Мои дорогие! Я так давно хотела с вами увидеться. – Тётя Мерле обогнула папу и заключила Зака и Лу в тёплые

объятия прямо среди толпы. Лу напряглась. На похоронах их постоянно обнимали незнакомые родственники, но тётки Мерле среди них не было.

Разжав объятия, она тут же взяла их с Заком за руки, словно боялась, что они вдруг исчезнут. Лу с удивлением заметила слёзы, блеснувшие в её тёмных глазах.

– Ты, видимо, Таллула, – сказала она. – У тебя мамин нос и скулы. А ты, Захария... – Она помотала головой. – Ты так на неё похож.

Лу нахмурилась и присмотрелась к Заку, пытаясь разглядеть в нём маму, но увидела только его самого. Волнистые чёрные волосы, карие глаза, унылый взгляд, так не похожий на мамин. Это Лу достались её веснушки. И рост.

Папа кашлянул.

– У ребят по одному чемодану, они лёгкие, там только одежда. Всё остальное в рюкзаках. Мой номер телефона у вас есть, список аллергий Зака тоже, куда звонить в случае необходимости вы знаете... что-нибудь ещё нужно?

– Нет, нет, мы разберёмся, – пробормотала тётка Мерле, притягивая к себе Лу и Зака. – Ты за нас не волнуйся. Мы отлично проведём лето.

Стоп. Стоп!

– Ты что, с нами не поедешь? – с упавшим сердцем спросила Лу. Они ведь на это рассчитывали! – Ты же говорил, что останешься на первые несколько дней!

– Планы изменились, – мрачно сказал отец, не встречаясь

с ней взглядом. – Меня вызвали на работу.

– Но... но ты нам нужен, – пролепетал Зак, впервые подав голос с их прошлого разговора, и Лу удивлённо обернулась, услышав в его словах слёзы.

Папа опустил перед ним на колени.

– Прости, сынок. Мне нужно вернуться в Чикаго. Но я уже начал искать новую работу, – добавил он, словно это могло как-то утешить. – Так что с осени буду спокойно работать из дома и помогать тебе с домашним обучением.

Зак поник и обнял папу за шею.

– Я не хочу тут оставаться, – пробормотал он, уткнувшись ему в плечо. – Я могу побыть дома один, а вы с Лу занимайтесь своими делами. Со мной ничего не случится.

Папа вздохнул, и Лу поняла, что умолять бесполезно. Они проиграли заранее. Почему она вообще решила, что их план сработает? Надо было сразу догадаться, что впереди ждёт только разочарование.

– Вы и не заметите, как я вернусь, – сказал он, но голос его звучал глухо, и смотрел он не на них, а куда-то мимо. – Я постараюсь иногда заглядывать в гости.

– Ну да, конечно, – буркнула Лу, но он будто её не услышал.

– П-пожалуйста, – судорожно выдохнул Зак. – Я б-буду хорошо себя вести, обещаю... – Он начинал задыхаться, и Лу, злясь на отца всё сильнее, расстегнула передний карман рюкзака, где лежал запасной ингалятор.

– Прости, сынок, ты же сам понимаешь, что мне нужно работать. – Он осторожно вывернулся из рук Зака, но тот попытался вцепиться в него и пошатнулся. Лу поймала его, пока он не упал, и вложила в руку ингалятор.

– Хотя бы звони иногда, чтобы мы знали, живой ты или нет, – мрачно сказала Лу.

На скулах отца заиграли желваки, и он опустил взгляд.

– Лу знает лекарства Зака, – сказал он тётё Мерле, отступая на пару шагов. – Если что-то случится – звоните. В будни я не всегда могу брать трубку, но в крайнем случае постараюсь перезвонить. – Помедлив, он обратился к Лу и Заку: – Я вас люблю. Ведите себя хорошо и слушайте тётю.

Он развернулся и пошёл назад, спрятав руки в карманы. Зак судорожно вздохнул, и Лу мгновенно обернулась к брату. Он весь покраснел и дышал часто и хрипло, но в глазах его стояли слёзы, а ингалятор он сжимал в опущенной руке. Приступ вызвала не астма – он просто изо всех сил сдерживался, чтобы не разрыдаться, и Лу захлестнула небывалая ярость. Она обняла брата за плечи, и они вместе проводили взглядом отца, который даже не обернулся на прощание.

Вот и всё. Он бросил их с тётёй, которую они видели в первый раз. Лу хотела сказать Заку, что не надо из-за этого убиваться, что папа того не стоит, что без него им будет лучше, ведь он всё равно не знал, что с ними делать. Но вместо этого она просто обняла брата и встретилась глазами с обеспокоенной тётёй.

– Папа вас очень любит, – сказала та. – Просто поверьте.

– Да? Тогда зачем он от нас избавился? – выплюнула Лу.

– Ему тяжело, – мягко сказала она. – И вам тоже. Он потерял любовь всей его жизни, нужно прийти в себя. – Она коснулась щеки Лу прохладной ладонью. – Всё будет хорошо. Главное, что вы с Захарией вместе и всегда можете поддержать друг друга. Не забывайте об этом, и тогда всё будет хорошо.

В глазах защипали слёзы, но Лу упрямо сдержала их. Нет уж. Она не расплачется посреди аэропорта. Уж точно не из-за отца.

– Мы устали, – выдавила она, сглотнув комок в горле. – Долго нам ехать?

– Будем дома где-то после обеда, – сказала тётя Мерле. – Но вы можете поспать в поезде.

Она притянула их к себе, и хотя Лу отчаянно пыталась сдержать рыдания и рвущийся из груди крик, она не стала сбрасывать с себя её руку. Просто пошла вслед за тётей сначала к багажной ленте, а потом навстречу дому, который ближайšie три месяца им придётся считать своим.

5

Зак

Зак сам не верил, что плачет.

Точнее, нет, очень даже верил – он последние несколько дней с ужасом ждал момента, когда отец уйдёт, и вот он настал, и страх стиснул сердце, не оставляя ни единого шанса сдержать рыдания. Зак думал, что успеет подготовиться. Что отец не сбежит в первые же секунды, толком не попрощавшись.

Беспокойство Лу делало только хуже. Она хлопотала над ним и обнимала, как в детстве, когда они ещё не растеряли общие интересы, и это только усиливало захлестнувший его стыд.

Дорога до дома тёти Мерле оказалась мучительно длинной. Выбравшись из кошмара, которым был аэропорт Хитроу, они спустились в метро, с кучей пересадок добрались до вокзала, а потом три часа ехали через сельскую местность, только чтобы забиться в такси и по петляющим дорогам покатиться в глубь Озёрного края. Зак безумно устал, но мелькающие за окном горы, долины и озёра поражали своей красотой. Он даже не думал, что где-то на земле существует подобное место.

Наконец такси свернуло на грунтовую дорогу, ведущую в

лес. Деревья здесь отличались от тех, что он привык видеть в пригороде Чикаго: древние и поросшие мхом, их корни устилало бесконечное множество синих цветов. Такси подъехало к воротам из кованого железа; они отворились, зловеще скрипнув, и Зак придвинулся ближе к окну.

Лу, сидящая рядом, закатила глаза.

– Ты бы ещё на колени ко мне забрался, – сказала она, пытаясь спихнуть его, но он упёрся и так и остался на месте.

– Я тоже хочу посмотреть, – сказал он, и пока они боролись за место у окна, впереди показался огромный дом – четырёхэтажный, с несколькими рядами окон, выходящими в сад. По бокам основного здания тянулись два длинных крыла, огибающих парадный вход. Настолько большое здание сложно было назвать домом – скорее особняком или усадьбой. Может, даже небольшим дворцом.

– Тётя Мерле, вы правда тут живёте? – спросила Лу, раскрыв от удивления рот.

– Самая настоящая правда, – гордо кивнула та. – Я не сомневалась, что вы оцените.

Машина остановилась у каменной лестницы, ведущей к парадному входу, и Лу тут же выскочила на усыпанную гравиём дорожку.

– А вдруг мама была королевской крови? – спросил Зак, вылезая следом. – Тогда мы, получается, тоже?

– Да не, нам бы об этом сказали, – ответила Лу, но не особо уверенно. В конце концов, она знала не больше него, а

дом был огромным, и владели им явно богатые люди.

Пока Зак разглядывал резные колонны по обе стороны от главной лестницы, за спиной послышался возглас. Он обернулся и увидел бегущую им навстречу круглолицую веснушчатую девочку с каштановыми волосами. Под её резиновыми сапогами хрустел гравий, а на поясе с инструментами болтался фонарь.

Зак отошёл в сторону, и девочка бросилась обнимать Лу.

– Наконец-то вы приехали! Просто не верится! – сказала она. Её акцент мгновенно напомнил о матери, и сердце пропустило удар.

– Да, нам тоже не верится, – с заметным раздражением ответила Лу, но девочку это совсем не смутило. Отпустив Лу, она повертела головой, рассматривая их с Заком, и расплылась в широченной улыбке.

– Ого, какие вы, – сказала она. – Такие... американцы!

– Мы из Чикаго, – слабо ответил Зак, до сих пор не оправившись. До этого он не встречал людей, разговаривающих с маминым акцентом, и сейчас словно услышал призрака.

– Захария, Таллула, знакомьтесь – это Пенелопа, ваша двоюродная сестра, – сказала тётя Мерле, доставая из багажника чемоданы. Её британский акцент, пусть и отчётливый, всё же отличался от маминого. – В прошлом месяце ей исполнилось тринадцать, так что вы должны отлично поладить. Пенелопа, душечка, не налегай так на них. Они устали с дороги.

– Представляю, – ответила Пенелопа и, замявшись, добавила: – Мне очень жаль, что с тётёй Джози так вышло. Я безумно по ней скучаю.

– Ты... ты знала маму? – спросил Зак с удивлением.

– Конечно, – озадаченно ответила она. – Она же про нас рассказывала, да?

Вот только мама ничего не рассказывала. Более того – она даже не упоминала о родственниках и уж тем более не навещала их. Зак уклончиво повёл плечами; он надеялся, что этого будет достаточно.

Повисла неловкая пауза, а потом Пенелопа подошла ближе.

– Как здорово, что мы наконец встретились, – сказала она, но Лу втиснулась между ними, не давая Пенелопе обнять его.

– Зак аллергик. Он может умереть от приступа, – добавила она, и Зак заметил, как она косится на коричневый комбинезон Пенелопы, весь покрытый белой шерстью. Теперь, стоя чуть ближе, Зак чувствовал исходящий от неё запах животных. – Осторожнее с ним.

Пенелопа тут же убрала руки за спину, словно боялась случайно коснуться.

– Тётя Мерле нас предупреждала, но я не думала, что всё настолько серьёзно.

– Очень серьёзно, – сказала Лу, расправив плечи. – Если его иммунная система не справится с каким-нибудь аллергеном, его положат в больницу.

– Я сам могу говорить вообще-то, – недовольно заметил Зак. Последнее время он редко общался с сестрой и не ожидал, что она вдруг начнёт нянчиться с ним, как с больным ребёнком. Ему это совершенно не нравилось.

– Ну что, пойдёмте посмотрим дом? – прощebetала тётя Мерле, поднимаясь по лестнице. – У нас тут есть чем заняться.

– Особенно летом, – согласилась Пенелопа, с лёгкостью поднимая чемоданы. – Можно пойти в поход, покататься на великах, сходить поплавать...

– У Зака аллергия на пять видов деревьев, – сказала Лу. – И на траву. И на сено.

– И плавать я не умею, – добавил он, бросая на сестру недовольный взгляд, который она успешно проигнорировала.

– Ой. – Пенелопа задумалась, а тётя Мерле тем временем отворила резные двери. – Ну... тогда можно походить по дому. В восточном крыле есть комнаты, где уже сотню лет никто не бывал, – радостно добавила она, кивая в сторону правой половины поместья.

– У меня аллергия на пылевых клещей, – сказал Зак. – Американских и европейских.

Пенелопа запнулась и сникла.

– Я даже не знала, что их несколько видов.

– Проведи полжизни у врача – ещё и не то узнаешь, – пробормотал Зак.

Он прошёл в фойе – и остановился, застигнутый врасплох. С одной стороны, внутри дом оказался даже более грандиозным, чем он ожидал: с высокими потолками, картинами в позолоченных рамах, с парадной лестницей, уходящей на следующий этаж. Под потолком висела тяжёлая люстра, мелодично позвякивая хрусталём, а на полу лежал деревянный паркет, не закрытый коврами. Это хорошо – ковры только ухудшали его аллергию.

Но, с другой стороны, величие немного терялось за общей потрёпанностью. Складывалось впечатление, что дом не ремонтировали по меньшей мере лет десять. Выцветшие обои отслаивались по углам, а обшарпанная деревянная лестница давно растеряла весь блеск. Рядом на столике стояла ваза – Зак заметил на ней небольшой скол, а ещё тонкий слой пыли, покрывавший столешницу. Некогда величественный особняк пребывал в запущенном состоянии. Видимо, мамы родственники были не настолько богатыми, как он представлял.

– Хотите посмотреть дом сейчас или попозже? – спросила тётя Мерле, поднимаясь по широкой лестнице. Ступени громко закрипели, и Зак вдруг представил, как проваливается под пол. Если бы папа приехал с ними, он бы тут же развернулся и пошёл покупать билеты обратно в Чикаго.

При мысли об этом его вновь захлестнула паника. Как там папа? Он уже сел на самолёт? Или летел над Атлантическим океаном? А вдруг самолёт разобьётся? А вдруг...

– Я очень устала, – сказала Лу, но Зак ощутил на себе её взгляд. Может, она и правда устала, но сказала так только ради него. Что хуже, он даже не мог возразить. Он ведь так и не уснул в самолёте, а в поезде разве что слегка подремал, просыпаясь то от тряски, то от незнакомых звуков. Из-за рыданий в аэропорту в голове до сих пор стоял туман, а тело словно налилось цементом. Хотелось просто свернуться калачиком в родной постели и хорошенько поспать.

– Тогда Пенелопа проводит вас в комнату, а я пока принесу чистые полотенца, – сказала тётя Мерле, сворачивая в длинный коридор с множеством дверей. На стенах здесь висели подсвечники, которые Зак до этого видел только в компьютерных играх. Кажется, они назывались канделябрами. Но выглядели всё равно жутко.

– «В комнату»? – вдруг переспросила Лу. – То есть...

– Тётя Мерле поселит вас в старой спальне вашей мамы. Чтобы ты могла присмотреть за братом, если ему станет плохо, – нервно сказала Пенелопа, а тётя тем временем деловито ушла за полотенцами. – Вы же не против? Там большая комната, честно. Две кровати, всё убрано и проветрено. Можем даже поставить ширму посередине, если вам так будет удобнее.

Они будут жить в маминой спальне. Внутри всё сжалось, и Заку снова стало трудно дышать.

– Я не против, – сказал он, вдруг испугавшись, что Лу попросит отправить его в другую комнату.

– Серьёзно? – спросила сестра. Он закивал.

– Тут везде полно пыли. Сама знаешь, мне обязательно станет плохо, и ты всё равно переберёшься в мою комнату. Просто разойдёмся по своим половинам, и всё.

– Мы всё равно подготовили только одну спальню, так что пришлось бы жить или со мной, или с моим братом, – добавила Пенелопа, добравшись до конца коридора. – Его зовут Оливер, кстати. Он сейчас в Диколесье, но к ужину вернётся.

Зак не сразу сообразил, что она сказала; по спине пробежал холодок.

– Погоди... В Диколесье?

Пенелопа не успела ответить, потому что в разговор вмешалась Лу.

– А много людей тут живёт? – спросила она, будто не заметила, как встрепенулся Зак. – Мама нам ничего про вас не рассказывала.

Может, Заку просто показалось, но во взгляде Пенелопы мелькнула обида.

– Я, Оливер, тётя Мерле, тётя Ровена и дядя Конрад, мой папа, – сказала она, открыв дверь. – За ужином я вас всех познакомлю.

– И всё? Больше тут никого нет? – спросила Лу, но Пенелопа уже прошла в спальню. Зак пошёл следом, вновь надеясь спросить про Диколесье. Но стоило ему ступить за порог, и все слова вылетели из головы.

Пенелопа не обманула. Залитая светом из большого окна,

спальня оказалась раза в три больше его комнаты в Чикаго. По разным углам у бледно-сиреневых стен стояли две кровати, оставляя в центре большое пустое пространство. К сожалению, Зак не заметил никаких признаков, что когда-то тут жила мама, – только постеры, висящие над кроватями: пожелтевший плакат со «Спайс Гёрлз» над одной и с группой «Хэнсон» над другой. Но мама, кажется, ни разу о них не упоминала.

И всё же тут она выросла. Спала здесь всё детство, и Зак, глубоко втянув носом воздух, практически ощутил её запах.

– Вещи можно сложить в комод, – сказала Пенелопа. – Места вам хватит...

– И что всё это значит?

Выронив чемоданы, Пенелопа обернулась и громко сглотнула. Нахмурившись, Зак тоже посмотрел в сторону открытой двери и увидел стоящую на пороге мускулистую женщину с чёрными с проседью волосами и ястребиным носом. Скрестив на груди руки, она сурово взирала на них с высоты своего роста. По её щеке сбегал жуткий шрам; точно такой же тянулся по шее и уходил под воротник кожаного пальто.

– Тётя Ровена! – истончившимся голосом сказала Пенелопа. – Я всё объясню...

– Объяснишь, что тут забыли твои американские брат с сестрой? – холодно поинтересовалась та. – Ну, давай.

Зак обернулся на Лу. Та смотрела на него округлившимися глазами. Ровена явно не знала, что они приедут. Их никто

не приглашал.

– Знаете, наш папа, наверное, ещё не сел на самолёт, – торопливо заговорил Зак. – Если вы ему позвоните, он нас заберёт, и...

– Ну что вы, не стоит, – сказала тётя Мерле, огибая Ровену со стопкой чистых полотенец в руках. – Держите, мои дорогие. Ванная чуть дальше по коридору. Если чего-то не найдёте, обращайтесь...

– Ты что натворила, Мерле? – спросила Ровена. Она вдруг показалась куда страшнее и выше, чем раньше.

– Ничего такого, и ты прекрасно это понимаешь, – ответила та, раскладывая полотенца по кроватям. – Захария и Таллула – чудесные ребята. Мы одна семья, и это и их дом тоже.

– Ты же знаешь, почему я не хотела их звать, – резким шёпотом парировала Ровена, будто Зак с Лу могли её не слышать.

– Они посидят со мной в лавке. Всё будет в полном порядке, – отмахнулась тётя Мерле. – Что ещё ты прикажешь делать? Их отец уже улетел в Штаты, а Джози всего месяц как...

Она замолчала, но Зак уловил невысказанный вопрос: что, Ровена предлагает их бросить? Тогда он понял: их позвали сюда не как родственников, а просто из жалости, как каких-то убогих. Стиснув зубы, он спрятал руки в карманы.

– Я устал, – громко сказал он, перебивая возражения Ровены. – Хотите нас выгнать – выгоняйте. Только сначала дай-

те поспать.

– Никто вас не выгонит, милый, – сказала тётя Мерле, но в голосе слышалась холодная сталь. – Правда, душа моя?

Ровена мгновенно побагровела.

– Ладно, – выплюнула она. – Но под твою ответственность, Мерле. Если с ними что-то случится, или они, не дай бог, забредут куда не надо...

– Не забредут, – безмятежно отозвалась та. – Они послушные ребята, прямо как их мама. Да, мои дорогие?

Зак не представлял, с чего тётя Мерле так решила, учитывая, что они только встретились, но слишком устал, и его это уже не волновало.

– Всё, нам можно поспать?

– Конечно, – пробормотала она, уводя Пенелопу и Ровену из комнаты. – Мы разбудим вас к ужину.

Но стоило двери захлопнуться, как за ней раздался яростный шёпот. И пока Лу раскладывала вещи на кровати под плакатом «Спайс Гёрлз», Зак прижался ухом к старомодной замочной скважине.

– ...делать, если они найдут Диколесье? – скрипучим голосом поинтересовалась Ровена. – Ты же знаешь, что тогда будет...

– Не волнуйся, – успокаивающе сказала тётя Мерле. – Рано или поздно это всё равно бы случилось. С ними всё будет в порядке.

– Откуда ты знаешь? – проворчала Ровена. Они отошли от

комнаты, и с каждым шагом её голос становился всё тише. – Если бы всё было так просто...

– Может, закончишь подслушивать? – сказала Лу, завалившись на кровать. – Зачем ты согласился жить в одной комнате? Если будешь храпеть, тебе конец.

– Ты слышала, что сказала Пенелопа? Про Диколесье? – спросил Зак, отходя от двери. Всё равно их было уже не слышать.

– Тебя удивляет, что мама назвала заповедник из сказок в честь места, где выросла? – сухо поинтересовалась Лу. – Лично меня – нет.

Зак замялся. С одной стороны, Лу была права. С другой – из разговора тёти Мерле с Ровеной ему показалось, что что-то тут было не так. Они что-то скрывали.

Но это была лишь часть загадки, внезапно свалившейся им на головы, и он осторожно спросил:

– Слушай, а мама рассказывала тебе про родственников? Разве она к ним ездила?..

– Нет, – ответила Лу, и по голосу было слышно, что она тоже задавалась этим вопросом. – Может, они пересекались в Нью-Йорке.

Каждый август мама ездила в Нью-Йорк продавать картины, которые писала. Это была единственная неделя в году, когда она оставляла Зака одного, но ему всегда было безумно одиноко. А потом её не стало, и он узнал, что такое настоящее одиночество.

– Наверное, – пробормотал он. – Всё равно это так странно. Почему она про них не рассказывала? Зачем держать всё в тайне?

– Может, она и не держала, – сказала Лу. – Просто думала, что ты всё равно не сможешь к ним съездить, и не видела смысла рассказывать. Или... – На мгновение она замолчала. – Ты слышал Ровену. Может, это они не хотели нас приглашать.

– Тётя Мерле хотела, – сказал он. – И Пенелопа...

– Какой смысл гадать, – пробормотала Лу, укладываясь на бок лицом к стене. – Мама всё равно уже ничего не расскажет.

Да, мама уже ничего не расскажет, но ответы могут таиться здесь – в старом пыльном поместье или в самом Диколессе, которое, оказывается, настоящее!

И его, как и ответы, Зак намеревался найти.

6 Лу

Лу снился сон. Во сне она шла по поместью, петляя в лабиринте коридоров с облезлыми обоями и трещинами на потолке. Вокруг пахло сыростью, голых рук касался сквозняк, и хотя она понимала, что это сон, он казался таким же реальным, как месяц, прошедший со смерти матери.

Она не знала, что ищет. Что бы это ни было, оно звало её, и ноги двигались по собственной воле. Спустившись по лестнице, она свернула в очередной коридор и остановилась перед дверьми, ручки которых были перетянуты цепью. Она коснулась замка дрожащими пальцами, и цепи упали, а дверь распахнулась, открывая проход в боковое крыло. В восточное крыло – то самое, где столетиями никто не бывал.

Во сне Лу была абсолютно спокойна. Она прошла по длинному коридору, вдоль которого тянулись окна, задёрнутые шторами. Через дыры, проеденные молью, просачивался свет, в котором танцевала пыль. Напротив окон стояли закрытые двери, но Лу прошла мимо них, даже не обернувшись. Ей нужна была только последняя.

Пропустить её было невозможно. Из всех щелей лилось странное красное свечение, словно внутри горел яркий свет. Нахмурившись, Лу коснулась дверной ручки, но вместо рас-

калённого жара ощутила ледяной холод. Дверь заскрипела, а за ней...

Комната, огромная, в четыре раза больше её собственной спальни. Вдоль одной стены тянулись книжные шкафы – фолиантов в кожаных переплётах уже много лет не касалась рука человека. Противоположную стену украшало старомодное оружие – Лу уставилась на него с ужасом, потому что над ним возвышались трофейные чучела убитых животных. Вот только... вместо оленьих и медвежьих голов она увидела лошадиные. Пятнистые, чёрные, белые – и у всех изобла торчал длинный рог.

Это были не лошади, а единороги.

Удивление захлестнуло её, но слабое, приглушённое. Лу из сна словно знала, что здесь увидит – она специально сюда пришла. Но зачем? Девочка осторожно обошла комнату. Ближе к центру возвышался пьедестал со скелетом непонятного динозавра. Лу ни разу не встречала такого – в отличие от остальных, у этого была приплюснутая вытянутая морда и громадные крылья, раскинувшиеся практически во всю комнату. Он напомнил дракона, которого нарисовал Зак.

Рядом на высоких постаментах стояли стеклянные витрины, и сначала Лу показалось, что внутри приколоты бабочки. Но потом она пригляделась и заметила крохотные человеческие тельца, и всё внутри сжалось.

Феи. Единороги. Драконы. Где она оказалась?

Она уже хотела убежать, но дверь исчезла. На её месте

появился ещё один постамент, на котором восседала птица размером с орла. Её длинный хвост украшали рыжие, алые, пурпурные перья, а крылья расправлены, будто прекрасная птица хотела остановить Лу – но не шевелилась. Её глаза выглядели безжизненно тусклыми. Всего лишь очередной трофей.

Ей вдруг стало так грустно. Это была знакомая грусть – она поднималась в Лу каждый раз, стоило ей лишь подумать о матери. Она не успела ничего сказать, ничего сделать – вдруг комната растворилась, и она проснулась.

«Это всего лишь сон», – подумала она, взглядываясь в тени, собравшиеся по углам бывшей маминой спальни. Всего лишь сон. В реальности не существовало никаких фей, драконов и единорогов, так почему же сердце так колотилось, а всё тело бросало в холодный пот?

Ей никогда не снились настолько яркие сны. Она вдруг подумала, что, если спустится вниз и откроет стянутые цепями двери, за ними тоже окажется комната, полная трофеев за бессмысленные и жестокие убийства.

Холод пробрал её до костей. Нет, такого просто не могло быть. Как? Животных из сказок не существовало в реальности. Просто она устала, и её подсознание смешало поместье с рисунками, которые Зак показывал в самолёте. Не каждому сну стоило верить.

Тук-тук-тук!

В дверь постучали, и Лу, подскочив, запуталась в одеяле

и с громким стуком свалилась на пол. Ногу и локоть тут же пронзило болью. Замечательно.

– Всё в порядке? – раздался тихий голос, и комнату залил свет. В дверном проёме стояла Пенелопа. Хмурясь, она смотрела на Лу.

– Да, – ответила та, смущённо потирая локоть. – Который час?

– Начало восьмого, – ответила Пенелопа, недоверчиво глядя на неё. – Если хотите есть, ужин готов.

Напротив, Зак присел в кровати и зевнул. Увидев его расчёпанные волосы, Лу пригладила собственные. Тревожный сон до сих пор стоял перед глазами, но в животе заурчало, и хотя Лу совершенно не хотела здесь оставаться, рано или поздно нужно было поесть. Поэтому она неохотно встала и пошла собираться.

Пенелопа отвела их на первый этаж, и Лу бросила взгляд на коридор – тут были двери в цепях из ее сна. Разумеется, их там быть не могло. Слишком невероятно. Но желание проверить так никуда и не делось.

Столовая оказалась вытянутой сводчатой галереей с окнами в противоположных концах, на стенах которой висели большие картины с пейзажами и стариками. Она тянулась вдоль всего поместья и когда-то могла производить впечатление, но сейчас почти полностью пустовала, только шаги отдавались от стен эхом.

В дальнем конце стоял старый обеденный стол, во главе

которого сидела Ровена. Она читала газету и оторвалась от неё лишь на мгновение, чтобы бросить на них укоризненный взгляд. Лу немного расслабилась – она не хотела, чтобы на неё снова орали.

Рядом с Ровеной сидел долговязый подросток лет пятнадцати с каштаново-рыжими волосами. Он слушал музыку в наушниках, постукивая пальцами в ритм мелодии, но при виде них надулся и сполз вниз по стулу с таким кислым видом, что даже Зак бы позавидовал.

– Это мой брат, Оливер, – жизнерадостно сказала Пенелопа. – Он не особо ладит с людьми, вы уж на него не обижайтесь.

Дверь поблизости распахнулась, и тётя Мерле внесла большой поднос с тарелками.

– А, как вы вовремя. Надеюсь, вы проголодались.

– Заку нельзя глютен, – машинально сказала Лу, принимаясь к запахам жареной курицы и запечённых овощей. – И ещё рыбу, орехи и молочное. А я не ем мясо.

– Ну разумеется, – буркнул Оливер. Он теребил потрёпанный край тканевой салфетки и злобно смотрел на неё. Лу понятия не имела, почему он так взъелся, но не успела ничего сказать, как Ровена отложила газету.

– Про диетические ограничения твоего брата мы знаем, Таллула. Но, боюсь, вегетарианство – твой собственный выбор...

– Мы что-нибудь придумаем, – пообещала тётя Мерле. –

Сегодня поешь салат и запечённые овощи, а в будущем я это учту. Я всё готовлю сама, так что если вдруг возникнут вопросы, Захария...

– Зак, – пробормотал он. – Меня все так зовут. А её все зовут Лу.

Оливер хохотнул:

– Лу? Кто вообще захочет называться Лу вместо Таллулы?

– Я, – ответила Лу, щурясь. К лицу прилил жар. – И раз уж это моё имя, а не твоё, твоего мнения никто не спрашивает.

– Хватит. – Ровена хлопнула рукой по столу так, что задребезжали тарелки. Все замолчали, и она глубоко вздохнула, стараясь сдержать гнев. – У меня и так был тяжёлый день, и я не собираюсь сидеть и слушать, как вы препираетесь. Оливер, придержи язык. Таллула, если ты хочешь, чтобы тебя называли Лу, – значит, так мы и будем делать. Тебя это тоже касается, Зак.

– Спасибо, – тихо ответил тот, глядя в тарелку.

В полном молчании тётя Мерле принялась раскладывать еду.

– А где Конрад? – спросила она, передавая Заку тарелку с двумя куриными ножками и бедром. Ну, хотя бы Лу она их не положила.

– Возится с Алькором, – ответила Ровена. – Вернётся ближе к ночи.

– Жаль, жаль. Конрад – брат вашей матери, – пояснила тётя Мерле Лу и Заку. – Уверена, он очень хочет с вами встре-

титься.

– Ещё успеет, – сказала Ровена, слишком уж агрессивно втыкая вилку в картошку. – Так, дети. Слушайте меня внимательно. Я ожидаю от вас идеального поведения, всё ясно? Никаких выходов. В лесу опасно – если заблудитесь, можете серьёзно пострадать.

– Ага, – хохотнул Оливер почти что с издёвкой. Подняв руку, он показал им три заживающих пореза. – А то глаз потеряете. Или что похуже.

– Это что, следы когтей? – спросила Лу, любопытство в которой временно победило неприязнь. – Каких таких животных вы тут разводите?

– Мы никого не разводим, – сказала Ровена. – И не рассказываем жуткие истории о собственном невежестве за столом.

Оливер опустил руку, но Лу заметила на его ладони небольшой бледный шрам, частично скрытый за пальцем. Она плохо его разглядела, но узор показался до жути знакомым – он напоминал витиеватую букву «У».

– У мамы тоже был такой шрам, – удивлённо сказала она. – Прямо под большим пальцем.

– Правда? – спросила тётя Мерле, и Зак тоже кивнул. – Что ж, видимо, это типичная семейная травма. Оливер, душечка, передай мне салат.

Пока они передавали тарелки, Лу повернулась к Пенелопе:

– Раз вы никого не разводите, у вас есть домашние животные или...

– Мы ухаживаем за животными, живущими на нашей земле, – коротко сказала Ровена. – Но мы их не «разводим».

– А кто у вас живёт? – оживилась Лу. – Можно помочь? Я дома присматриваю за уличными кошками, привыкла работать с животными. Я могу их кормить или...

– Мы не за кошками ухаживаем. – Оливер выплюнул слова так, будто ему было противно их произносить. – У нас живут хищники...

– Нет, – сухо перебила Ровена, бросив на Оливера короткий, но полный ярости взгляд. – Сейчас не время для этого разговора. Лу, мы уже всё решили. Вы с Заком будете помогать тёте Мерле в лавке. И это не обсуждается. Лавка. Поместье. Конец, – громко добавила она, предвосхищая возражения.

В итоге ужин прошёл довольно уныло. Лу молчала, оставив Зака отвечать на бесконечные вопросы тёти Мерле и Пенелопы самостоятельно. За прошедший день он слегка повеселел и уже не выглядел таким несчастным, как раньше, поэтому Лу бросала на него подозрительные взгляды, пока они уплетали пудинг. Местная версия, кстати, куда больше напоминала сырой бисквит, чем сливочный десерт, продающийся в магазинах. Привычная мрачность Зака вернулась после ужина, когда он попросил дать ему телефон.

– И кому ты собрался звонить? – поинтересовалась Рове-

на, вставая из-за стола и задвигая стул.

– Папе, – ответил он с едва заметной паникой в голосе. – Вдруг его самолёт... – Он осёкся. – Вдруг с ним что-то случилось.

– Ничего с ним не случилось, – снисходительно бросила Ровена. – Не вижу смысла звонить и уточнять то, что и так известно.

– Они же только приехали, – сказала тётя Мерле, обнимая Зака за плечи. – Уж дай ему позвонить.

– Не хочу создавать прецедент, – сказала Ровена, шаги которой эхом разнеслись по пустой столовой. – А то будет каждый вечер звонить отцу и требовать сказку на ночь.

Зак поник. На мгновение Лу показалось, что он сейчас расплачется, и её охватило яростное желание его защитить. Она никогда не использовала смерть матери в качестве оправдания – даже сдала домашнее задание на следующий день после похорон, – но сейчас впиалась взглядом в спину удаляющейся тёти.

– У нас только что умерла мама, – прорычала она. – Вам что, жалко, если Зак пожелает папе спокойной ночи?

Ровена остановилась и медленно повернулась к ней с перекосенным лицом, вскидывая бровь.

– У него есть домашний телефон. Если захочет поговорить – позвонит сам.

Она ушла, оставив Лу сгорать от ярости. Тётя Мерле обняла Зака крепче.

– Если он не позвонит до утра, я сама его наберу, – про-
бормотала она. – Давайте-ка пока умойтесь перед сном. Я
зайду и уложу вас.

– Не надо нас укладывать, – гневно бросила Лу, направ-
ляясь обратно в фойе. – Нам не пять лет.

– Я знаю, – ответила тётя, провожая их с Заком. – В октяб-
ре вам исполнится тринадцать, да? Наверное, уже дождаться
не можете.

– Да не особо, – пожала плечами Лу. Смысл праздновать
день рождения, если у неё больше нет друзей.

Тётя Мерле проводила их до подножия лестницы и ушла.
Стоило ей скрыться, Лу вновь невольно посмотрела в сторо-
ну коридора, который ей снился.

– Сможешь сам добраться до комнаты?

Зак смерил её испепеляющим взглядом.

– Как тётя Мерле с нами нянчится, так ты против, а как
ты со мной, так сразу всё хорошо. Хватит меня позорить.

– Мне бы и не пришлось, если бы ты не забывал пить ле-
карства, – парировала она. – Ингалятор хоть взял?

Не ответив, Зак пошёл вверх по лестнице, и Лу осталась
одна. Она хотела догнать его, но это мог быть единственный
шанс осмотреть поместье без строгого надзора двоюродных
бабушек, дышащих ей в затылок. И поэтому, стараясь не шу-
меть, она скользнула в коридор.

Днём Лу не заглядывала в эту часть поместья, всё здесь
было таким же, как в её сне: мебель, обои, даже покосивший-

ся портрет мужчины с закрученными усами. Но как? Почему? Может, у неё просто разыгралось воображение? Или так подействовала смена часовых поясов?

Лу обернулась – и замерла. Перед ней возвышались те самые двери с цепью, обмотанной вокруг ручек. Раскрыв от удивления рот, она оглядела пустой коридор, словно надеялась увидеть кого-нибудь вроде Оливера, спрятавшегося в углу и хихикающего над её глупостью.

Но рядом никого не было. Только она – и двери из сна.

Она неуверенно подошла к ним. Цепь неожиданно оказалась очень тяжёлой. Лу потянула за старомодный замок, но он не поддался. Где лежал ключ? И что скрывалось за двойными дверями?

Нехорошее предчувствие подсказывало, что Лу уже знает ответ. Но существование дверей не означало, что трофейная комната тоже реальна. Может, Лу видела их на фотографиях у мамы в альбоме. Или здесь снимали кино. Столько разных вариантов.

Но чем дальше она уговаривала себя, тем хуже ей становилось. Она так устала – и физически, и морально, – что голова просто отказывалась соображать. Дневной сон, прерванный тревожным кошмаром, не помогал – ей нужно было хорошо выспаться. Тайна, лежащая за дверями, могла подождать.

Но на обратном пути она услышала голоса, доносящиеся из фойе, а когда добралась до лестницы, из комнаты с противоположной стороны поместья послышалось имя брата.

– ...для Захарии слишком опасно, – отчётливо прозвучал хрипловатый голос Ровены. – Не понимаю, чем думал их отец, когда решил отправить сюда.

– Он не думал, – ответила ей тётя Мерле. – Ему тяжело, и он понимает, что в нынешнем состоянии не сможет позаботиться о детях.

– Но это его обязанность, – поперхнулась Ровена. – Нельзя просто взять и сбросить их на ближайших родственников.

– Никого он не сбрасывал. Я сама предложила, – сказала тётя Мерле. – Он хотел нанять няню, Ровена. Няню. Как бы отреагировали дети, если бы привязались к ней, а через полгода она бы ушла? Им ведь и так очень сложно. Бедняжки совсем бы расклеились. Им сейчас очень нужна семья, и поэтому они здесь.

Лу не знала, что папа хотел нанять няню. Она бы возмутилась, конечно, – но лучше бы посидела с няней, чем на всё лето уехать в чужую страну.

– Оправдывайся сколько угодно, но мы обе прекрасно понимаем, почему ты их пригласила, – мрачно сказала Ровена. – Ты своими руками их обрекла.

– Ничего подобного, – резко возразила тётя Мерле. – Джози сама хотела их привезти.

– Джози вечно витала в облаках, – огрызнулась Ровена. – Всегда видела хорошее там, где его не было, и посмотри, что с ней стало.

Тётя Мерле недовольно цокнула.

– Я понимаю твой страх, душа моя, но именно поэтому мне и пришлось их пригласить. До их тринадцатилетия осталось совсем немного. Я не знаю, правда ли кроется за семейной легендой или это всего лишь страшилка, которую мы боимся послушаться. Главное, что здесь они будут в безопасности.

– В безопасности? – фыркнула Ровена. – Вот как ты это называешь? Ты не понимаешь, Мерле. И никогда не...

– Не смей так говорить. – Тётя Мерле опасно понизила голос – настолько, что Лу пришлось подойти поближе, прячась за перилами. – Мы обе желаем им только добра. Кто знает, что случится, если они уедут? Но здесь, на нашей земле...

Вдруг дверь за лестницей распахнулась, и по паркету загрохотали шаги. Послышался голос: мужчина чертыхнулся себе под нос, и Лу присела, надеясь, что он её не заметил.

– Мерле? Ровена?

– Мы тут, Конрад, – окликнула тётя Мерле.

Выглянув из-за перил, Лу увидела худого мужчину с тусклыми медными волосами, вошедшего в кабинет. На мгновение за дверью мелькнул большой рабочий стол и несколько стульев.

– Ты знал? – тут же поинтересовалась Ровена.

Мужчина, помедлив, выдохнул:

– Я так понимаю, близнецы здесь.

– То есть знал, – сказала она. – А меня предупредить не удосужился?

– Мы с Мерле решили...

Но в этот момент в бедро Лу впился стальной носок сапога, и она вскрикнула. Над ней, опустив наушники на шею, нависал Оливер.

– Вас в Америке совсем не воспитывают? – бросил он.

Встав, Лу недовольно зыркнула на него. Бесконечные вопросы без ответов напрочь лишили её терпения.

– Видимо, это у нас семейное, – огрызнулась она. – Что, побежишь ябедничать?

Оливер ухмыльнулся, но без веселья.

– Я подумаю. А пока посмотрю, как ты мучаешься.

Фыркнув, Лу взбежала по лестнице, перепрыгивая по две ступеньки зараз. Оливер раздражал её, но сейчас у неё были другие проблемы.

О какой семейной легенде говорила тётя Мерле? Почему здесь они были в безопасности? И почему Ровена решила, что они обречены?

Лу ворвалась в спальню. Она хотела сразу же рассказать всё Заку, но заметила его красные заплаканные глаза и замерла.

– Ты в порядке?

– Да, – выдавил он и поспешно отвернулся к стене.

Он соврал, но Лу не знала, как его успокоить. Уж точно не историями о легендах и обречённости, которыми ей не терпелось поделиться. Зак и так плакал, а Лу не хотела расстраивать его ещё сильнее. По крайней мере, пока не разо-

бралась в ситуации.

– Пойду в душ, – пробормотала она. А потом, не глядя на брата, схватила с кровати пижаму и полотенце, выбежала из комнаты и закрыла за собой дверь.

7

Зак

Несмотря на то, что в самолёте Зак почти что не спал, всю ночь он просто лежал и тихо плакал, пытаясь справиться с паникой, стиснувшей сердце.

Раз за разом он твердил себе, что с папой всё хорошо, что тёте Мерле бы сообщили про авиакатастрофу, что про неё рассказали бы в новостях. Прошло уже столько времени – они бы обязательно всё узнали.

Но вдруг случилось что-то ещё? Вдруг у папы не выдержало сердце, пока он бежал на свой рейс? Или самолёт упал, но тётя Мерле и Ровена спали и не слышали звонка? Или...

Зак стиснул зубы. Перед глазами плыло, сердце колотилось в груди. С отцом всё в порядке. Наверное, он уже был в Чикаго, сидел за компьютером и ел ужин, разогретый в микроволновке. Его родители не могли умереть в один месяц. Это слишком невероятно, слишком... слишком.

Всё хорошо. Всё хорошо. Всё хорошо.

Пока он раз за разом повторял про себя эти слова, перед глазами вдруг мелькнуло странное видение – мшистый лес, залитый золотистым светом, струящимся сквозь ветви огромных древних деревьев.

Моргнув, он помотал головой, на мгновение забыв про па-

нику. Что это было?

Но когда он закрыл глаза, видение вернулось. Более того – оно стало ярче. Пахло летом и солнцем; палящие лучи приятно касались кожи, и когда Зак посмотрел вниз, то увидел, что кроссовки его утопают в зелени, словно он действительно оказался в лесу.

«Это что-то новенькое», – с сарказмом подумал он. Раньше во время приступов паники его сознание не подбрасывало такие живые фантазии. Он глубоко вдохнул, и в кои-то веки от свежего воздуха его не разобрал приступ кашля. Да, эта фантазия определённо нравилась ему больше других.

Но не успел он понять, сон это или галлюцинация, как за спиной раздался до боли знакомый смех. Сердце пропустило удар, и он обернулся.

Буквально в нескольких шагах стояла девушка в джинсовом комбинезоне и с длинной чёрной косой. Запрокинув голову, она всматривалась в ветви массивного скрюченного дерева, в три раза превосходящего по размеру все остальные. Она выглядела лет на восемнадцать, но Зак всё равно узнал её.

Это была его мама.

– Всё равно ведь придётся спуститься, – окликнула она непривычно звонким голосом. – Не дуйся. Слезами горю не поможешь!

Ответа не было, только перья зашелестели где-то в ветвях. Но она всё равно рассмеялась, и сердце сжалось от тепла и

тоски.

– Ну ладно, – сказала она. – Даю тебе ещё пять минут. Потом спускайся, и мы с тобой погуляем.

Она покачала головой – точно так же она делала, когда Зак говорил что-то смешное или нелепое, – а потом отвернулась от дерева и посмотрела прямо на него. На мгновение их взгляды пересеклись, и Зак замер.

Это была она. Мама. Самая настоящая.

Он моргнул, и видение пропало. Лес растворился в темноте её бывшей спальни. Зак смотрел в потолок, не в силах пошевелиться, но мгновение спустя в горле встали рыдания, и он зарылся лицом в подушку, сотрясаясь от слёз.

Просто сон. Это был просто сон. Такой настоящий и осязаемый – прямо как тьма, царящая в спальне. Но в ушах до сих пор звенел мамин смех, и очень не скоро, но Зак всё же вновь провалился в сон.

Утром его разбудил тихий стук и скрип приоткрывшейся двери.

– Ваш папа звонил вчера ночью, – сказала тётя Мерле. – Он уже в Чикаго, передавал вам привет.

Зак приподнялся на локтях.

– Он нормально добрался? – сонно спросил он, и тётя Мерле кивнула.

– Лучше некуда. Он сказал, что у него много работы и нет возможности часто звонить, но вы за него не волнуйтесь. А теперь давайте, подъём, подъём! Завтрак уже на столе!

Значит, папа благополучно добрался до дома. Это радовало, но Зак всё равно не смог наскрести ни капли энтузиазма по поводу предстоящего дня. Глаза чесались, всё тело ныло, будто налившись свинцом, а из головы никак не выходил сон. Он даже зубы почистил на автомате, думая только о голосе матери. Хотелось закрыть глаза и навсегда остаться с ней рядом. Он весь месяц об этом мечтал – в последний раз увидеть её, услышать её голос. И вопреки всем ожиданиям его желание исполнилось.

К сожалению, вскоре ему пришлось вернуться на землю. После завтрака, состоящего из невероятно свежих яиц и фруктов, тётя Мерле отвела их с Лу в лавку. Она стояла у главной дороги на повороте к поместью, но Зак совершенно не удивился, что вчера её не заметил. Лавка, заросшая полевыми цветами, практически сливалась с опушкой леса и напоминала скорее шаткий заброшенный дом, чем популярный магазинчик. Подойдя поближе, Зак заметил над дверью выцветшую деревянную вывеску: «Подлинные чудодейственные диковинки и артефакты».

«Не самое удачное название», – подумал он, задыхаясь – от дома до лавки пришлось пройти полкилометра пешком. Пока тётя Мерле отпирала дверь, а Лу рассматривала божью коровку, сидящую на цветке, он нашёл в рюкзаке ингалятор. Лёгкие жгло – то ли от астмы, то ли от аллергии. Скорее всего, из-за всего сразу. Только этого ему не хватало; он совершенно не хотел провести и так не лучшее лето в ка-

кой-нибудь крохотной английской больнице вдали от знакомых медсестёр и врачей.

– Ты в порядке, дорогой? – спросила тётя Мерле, взяв с замком.

– Выживу, – буркнул он, вдохнул лекарство, и жжение в лёгких слегка успокоилось. – Долго идти пришлось.

– Привыкнешь, – ласково сказала тётя Мерле. – Немного физкультуры никому не помешает. Хоть румянец на щёчках появится!

«Ну да, всё же так просто», – несчастно подумал он. Но тут тётя Мерле открыла дверь в тускло освещённую лавку, и Зак забыл про обиду. Полки в узких проходах теснились от туристических безделушек: тут были и разноцветные брелки, и футболки с названием магазина, и кружки, и пожелтевшие путеводители, настолько старые, что даже молодая мама из сна ещё могла листать их страницы. И вопреки названию лавки никаких чудодейственных диковинок и артефактов тут не было.

Но за безделушками и туристическими путеводителями, за закусками и походным снаряжением он заметил большую ухоженную витрину, расположенную вдоль задней стены. Стекланные полки обрамляли тяжёлые бархатные занавески: тёмно-синие с серебристыми блёстками, напоминающими звёзды на ночном небе. Они так выделялись на фоне остального магазина, что, пока тётя Мерле возилась со старинным кассовым аппаратом, Зак не удержался и скользнул

в узкий проход между полок, чтобы рассмотреть витрину поближе.

На первый взгляд предметы в ней показались довольно обычными. Пара подушек, браслеты и ожерелья из мелких камней и ракушек, картины лесных пейзажей и прочие подобные мелочи. Но, присмотревшись, Зак заметил немало странностей. Например, плетёную корзину с полукруглыми камнями, которые почему-то отливали металлическим блеском. Их цвета варьировались от иссиня-чёрного до перламутрового, но внимание Зака привлекли не сами камни, а рукописная этикетка: «Опавшая чешуя дракона, 15 фунтов стерлингов».

Он заморгал, не веря своим глазам. Чешуя дракона? Драконов, конечно, не существовало, но всё же. Кто бы стал это покупать?

– Грива единорога? Серьёзно?

Голос Лу раздался совсем рядом, и Зак дёрнулся, чуть не врезавшись в полку с сувенирными полотенцами. Справа от него сестра заглядывала в корзинку с блестящей мишурой, и он усилием воли расслабился. Хорошо, что не только ему эти товары показались откровенно нелепыми.

– Бред, согласишься? – пробормотал он. – Тут ещё и драконья чешуя есть. И подушка с наполнителем из шерсти йети. И картины, написанные кентаврами. И русалочки браслеты ручной работы...

– Они весьма ими гордятся, – сказала тётя Мерле, подо-

шедшая сзади, и в этот раз дёрнулся не только он, но и Лу тоже. – Ну или гордились бы, если бы существовали в реальности, – добавила она, постучав по крылу носа.

– И люди это... покупают? – спросил Зак, когда вновь обрёл голос. – Фальшивую драконью чешую и... цветы фей? – На полке стояла целая корзина маленьких стеклянных цветочков размером с подушечку пальца.

– О, наша лавка этим и славится, – радостно сказала тётя. – Подлинными чудодейственными диковинками и артефактами. А уж верят ли в это покупатели – ну, тут уж вопрос к ним, согласитесь? – добавила она, подмигнув. – Но это всё очень редкие вещи, так что, разумеется, у нас есть и более универсальные товары. Здесь найдётся всё, что может понадобиться путешественнику в Озёрном крае.

Зак покосился на сестру, но та с каким-то странным выражением разглядывала картины.

– Но это же... так жестоко, – выдавила она, прожигая взглядом тётю Мерле. – Вы пользуетесь ими, вынуждаете работать на вас, как... как каких-то рабов.

– В смысле? – ошарашенно переспросил Зак. – Лу, это же просто сувениры. Мусор.

Она моргнула, и мгновение они просто стояли, не шевелясь, а потом Лу заметно расслабилась.

– Ну да, – пробормотала она. – Простите. Я знаю, что это всё подделки.

– Подделки или нет, – мягко сказала тётя Мерле, – мы

бы никого не заставляли работать насильно. Увы, признаюсь честно – я никогда не встречала мифических существ, хотя очень бы хотела. Ну ладно, – добавила она, – почему бы вам не взять с прилавка сладостей и не осмотреться?

Тётя Мерле повела их к стеллажу с конфетами, но Зака интересовала только сестра. Она напугала его – Лу всегда была немного странной, особенно когда дело касалось животных, но она должна понимать, что всё это просто выдумки. Почему она так разозлилась?

Выбор сладостей неожиданно затянулся – Зак не нашёл среди них ничего знакомого, и ему пришлось внимательно вчитываться в составы на предмет аллергенов. В конце концов он нашёл подходящую упаковку мармеладок в форме непонятных животных, но к тому времени Лу уже успела скрыться в подсобке. Буркнув короткое «Спасибо», Зак поспешил за ней следом, лишь бы не оставаться со странными артефактами наедине.

– У тебя всё в порядке? – спросил он.

В подсобке оказалось душно и жарко. Зак сбросил рюкзак и тут же чихнул, наглотавшись поднявшейся пыли.

– Зря ты сюда пришёл, – уныло сказала Лу. Она стояла за обшарпанным деревянным столом, заставленном коробками с документами. Словно подтверждая свои слова, она провела по одной из них пальцем, оставляя в пыли дорожку. Зак помотал головой.

– Я не собираюсь весь день торчать с тётей Мерле, – ска-

зал он и снова расчихался. Глаза заслезились, и пришлось с неохотой признать, что Лу права. Кожа уже начинала чесаться. – Хотел узнать, как ты.

– Всё хорошо, – сказала она. – Просто не выспалась, видимо. А тут ещё твои рисунки и мамины сказки... – Она покачала головой. – Мне надо отдохнуть. – Она кивнула в сторону старого пластикового телефона, который торчал из-за коробок. – Я пыталась дозвониться до Софии. Номер не отвечает.

Сердце Зака подскочило к горлу, и он сделал мелкий шаг, расчёсывая руку.

– Ты уже...

– Звонила папе? Да, пыталась. Тоже не отвечает. – Она отвернулась, но Зак всё равно заметил, что она трёт глаза. – София так разозлилась, когда я сказала, что уезжаю. Если мы не поговорим, она никогда меня не простит. И я... хочу узнать, как там енот. Я отнесла его к ветеринару, но... – Она поморщилась. – А Руфусу нужно закапывать глаза. Я даже не знаю, как у него дела, как дела у остальных кошек...

Она вдруг покраснела, и Зак вспомнил, как вчера Оливер безжалостно высмеял её за ужином. Рискнув поглубже вдохнуть, он осторожно заметил:

– Знаешь, если захочешь, можно сбежать и пойти поискать животных. Они же тут где-то недалеко?

Лу повернулась к нему, забыв про заплаканные глаза.

– Тётя Ровена сказала, что нам нельзя выходить из лавки.

И вообще...

Она вдруг нерешительно закусила губу. Зак нахмурился.

– Что?

– Ничего, – пробормотала она. – Это опасно.

Зак шмыгнул носом.

– Мы не будем к ним приближаться. Мне всё равно нельзя. Даже если нас поймают, что дальше? Ровена посадит нас под домашний арест? Мы и так, считай, под домашним арестом. – Он обвёл рукой подсобку. – Что может быть хуже?

– Ну, да, но... – Лу замялась. – У тебя аллергия на кучу растений...

– У меня на всё подряд аллергия, – возразил он. – Я возьму маску. Ингалятор у меня с собой, эпинефрин тоже. Я даже таблетки принять не забыл.

Она оценивающе оглядела его. Зак расправил плечи, изо всех сил стараясь принять бравый вид, хотя глаза слезились, а кожа покраснела от сыпи. Наконец Лу вздохнула.

– Зачем ты так стараешься? Жалеешь меня, что ли?

Он покачал головой:

– Я хочу найти Диколесье. А без тебя я не справлюсь.

Лу нахмурилась, и на мгновение Зак испугался, что она откажется – но она встала и отряхнула шорты от пыли.

– Если нас спялят, брошу тебя на съедение волкам и сбегу.

Облегчение накрыло его с головой, и он выдохнул.

– Это правильно, – сказал он, пожимая плечами. – Меня всё равно быстро догонят.

Улыбка медленно расплылась на лице Лу, прогоняя тревогу, и Зак невольно улыбнулся в ответ. Весь их мир перевернулся с ног на голову, зато рядом была родная сестра.

– Ладно, – сказал он. – Пойдём искать Диколесье.

8

Лу

Спрятавшись за стойкой с зонтиками, Лу выглянула в проход магазина.

Тётя Мерле, напевая, сидела за прилавком и читала потрепанную книжку в мягкой обложке. От неё до двери было всего несколько метров – если бы они попытались уйти, она бы сразу заметила.

– Я могу её отвлечь, – прошептал Зак сзади. – Притворюсь, что мне стало плохо.

Лу помотала головой.

– Они и так не понимают, что астма – серьёзная болезнь. Если сейчас их обманешь, больше тебе не поверят.

– Поверят, когда начну задыхаться, – пробормотал он, но Лу не ответила. Нужно было придумать, как ещё можно незаметно сбежать.

Но не успела она состряпать какой-нибудь гениальный план, не полагающийся на болезнь брата, как колокольчик над дверью звякнул, и в лавку вошёл нервный коренастый мужчина в супергеройской футболке и шлёпанцах. Он заозирался, и тётя Мерле, просияв, отложила книжку в сторону.

– Доброе утро, – сказала она. – Вам что-нибудь подсказать?

– Да я, э... Слышал, вы продаёте... всякие редкости, – сказал он, и Лу с удивлением осознала, что говорит он с американским акцентом. – Ну, всякие...

– Подлинные чудодейственные диковинки и артефакты? – подсказала тётя Мерле, и он кивнул, неловко почёсывая щетину на подбородке. – Вы пришли по адресу. Сюда, идите за мной.

Она спрыгнула со стула и пошла к витрине – туда, где пряталась Лу. Та тут же шмыгнула за угол и успела оттащить брата буквально за секунду до того, как тётя Мерле с покупателем прошли мимо стойки с зонтами.

– Выбор у нас небольшой, – сказала та, остановившись перед витриной с бархатными занавесками. – Но подлинность гарантируется.

Лу тихо фыркнула и поманила Зака, а потом опустилась на пол и тихонечко поползла мимо полок с солнцезащитным кремом и путеводителями в сторону прилавка с конфетами.

– Чешуя дракона? – истончившимся голосом спросил мужчина. – Из чего она сделана?

– Боюсь, это секрет, – ответила тётя Мерле. – Но чешуйки абсолютно непроницаемы, и если купите набор, они защитят вас даже от самого жаркого пламени.

До двери оставалось совсем немного, и Лу замерла, покосившись на колокольчик. Он висел на длинной верёвке, и его нужно было как-нибудь обойти.

– Иди за мной, – шепнула Лу и очень, очень медленно

приоткрыла дверь. Петли тихо заскрипели, но, к счастью, в этот момент покупатель решил поинтересоваться фальшивой гривой единорога.

Не сводя взгляда с колокольчика, Лу протиснулась в открытую дверь и придержала её для Зака, а когда тот выбрался – осторожно закрыла её и выдохнула, услышав тихий щелчок.

Они поспешно отошли от лавки, хрустя гравием, и вскоре она скрылась из вида. Только тогда Лу решилась подать голос:

– Просто не верю, что люди покупают весь этот хлам.

– Ну, как-то же они зарабатывают, – сказал Зак, пожимая плечами. Лу закатила глаза.

– Для этого у них есть дурацкие панамки. Слушай, как думаешь, быстро она заметит, что мы сбежали?

– Сомневаюсь. Я закрыл дверь в подсобку. Пусть думает, что мы там.

Обрадовавшись – и впечатлившись, хотя она бы ни за что в этом не призналась, – Лу пошла к кованым воротам, которые тётя Мерле оставила открытыми. К тому времени, как впереди показался особняк, дыхание у Зака начало сбиваться, и она замедлила шаг.

– Ты знаешь, как пройти к Диколесью?

– Нет, – хрипло ответил он. – И хватит со мной нянчиться. Я могу нормально идти.

Лу в этом сомневалась, но всё же пошла быстрее, петляя

между деревьями, тянущимися вдоль дороги. Зак не отставал, но когда они прошли мимо особняка и нырнули в пёстрый изумрудный подлесок, начинающийся за неухоженным садом, ему пришлось остановиться и натянуть медицинскую маску, которая защищала от пылицы и микробов. Он редко ею пользовался, потому что практически не выходил из дома, и в кои-то веки Лу не стала его дразнить.

– Лучше иди домой, – сказала она, скрывая беспокойство за напускным раздражением. Что бы там ни думала тётя Мерле, свежий воздух с аллергенами не пойдёт брату на пользу. – Порисуй в маминой комнате. Они наверняка держат животных в Диколесье, а у тебя на них аллергия.

Она не хотела повторения ситуации с енотом. В этот раз рядом не было взрослых, которые могли бы помочь.

Зак нахмурился.

– Я думал, мы с тобой заодно. – Из-за маски слова прозвучали слегка неразборчиво.

– Да, – ответила Лу. – Но вдруг...

Заметив краем глаза движение, она резко остановилась и спряталась за большим поваленным деревом, приложив палец к губам.

– Что такое? – раздражённо спросил Зак, но когда обернулся, из леса вышел знакомый мужчина с тусклыми медными волосами. Охнув, Зак тут же опустился на корточки. – Это кто...

– Тш-ш. – Вытянув шею, Лу проводила мужчину взгля-

дом. Он углублялся в лес, держа в руках старинный врачев-
ный чемоданчик. – Это дядя Конрад, мамин брат. Я видела,
как он разговаривает с тётёй Мерле и Ровеной.

– А мне не сказала, – обиженно заметил Зак.

Лу пожалала плечами.

– Ты был... занят. Потом расскажу.

Высунувшись из-за дерева, они проследили за Конрадом,
который уверенно заходил всё глубже и глубже в чащобу.

– Как думаешь, он идёт в Диколесье? – спросил Зак.

– Сейчас узнаем.

Встав, Лу пошла за дядей, тихо пробираясь через густой
подлесок. Зак за спиной то и дело трещал ветвями, но Ко-
нрад был так далеко, что не слышал.

Довольно быстро Лу вышла на тропинку, настолько ста-
рую и истоптанную, что ширина её достигала полутора мет-
ров. По такой тропинке явно ходили не раз в неделю; нет,
она вела в важное место.

– Вот оно, – тихо сказала Лу. Дядя уже давно затерялся в
лесу, но она ни на секунду не сомневалась, что он шёл имен-
но этим путём. Тропа, ведущая прочь от особняка, уходила
глубже в чащобу, и вскоре дом полностью скрылся за дере-
вьями. Лу стало страшно; Зак громко хрипел, словно в гру-
ди у него застрял свисток, но стоило ей замедлить шаг, как
он бросал на неё недовольные взгляды, поэтому приходилось
держаться тревогу в узде.

Она уже думала идти обратно, когда тропа резко сверну-

ла к паре странных деревьев. Они были значительно старше всех остальных, а скрюченные ветви переплетались, и непонятно было, где заканчивалось одно дерево и начиналось другое.

– Ого, – выдохнул Зак, когда они подошли к арке, которую они образовывали. – Ты раньше такое видела? Это нормально?

– Не уверена, – ответила Лу, касаясь одного из стволов. Кора потеплела от солнечного света, пробивающегося сквозь листву. – По крайней мере, в Чикаго ничего подобного не было.

Тропа пролежала прямо между древних деревьев, и Лу прошла под ветвистой аркой, высматривая дядю. Но стоило ей выйти с другой стороны, как воздух вдруг изменился. Волоски на руках встали дыбом, а где-то над головой раздался мелодичный клич птицы.

– Это кто? – спросил Зак, задрав голову.

– Наверное, жаворонок, – рассеянно ответила Лу, осматриваясь. Внешне лес не изменился, но все чувства вдруг обострились, а сердце сжалось. Что-то тут было не так. Она не знала, что именно, но тревога не отпускала.

– Интересно, до Диколесья далеко? – спросил Зак, ушедший вперёд. Его хрипы потихоньку стихали, вот только Лу сейчас совершенно не волновало Диколесье. Листва зашелестела от ветра, и она поёжилась.

– Пойдём отсюда, – вдруг сказала она, оглядываясь на ар-

ку. – Тут ничего нет. Конрад, наверное, свернул с тропинки, Диколесье может оказаться совсем в другой стороне...

– Лу, – поспешно перебил её Зак, и она резко обернулась. Брат успел пройти немного дальше, к повороту тропинки, но сейчас остановился и просто уставился куда-то вперёд.

– Что такое? – спросила она, бросаясь к нему. – Ты на- шёл...

Она застыла, распахнув рот. За поворотом лес переходил в просторный луг, залитый солнечным светом. Высокая тра- ва колыхалась на лёгком ветру, а вдали, рядом с продолгова- тым жёлтым зданием, похожим на конюшню, виднелось ого- роженное пастбище с лошадьми.

Несмотря на тревогу, Лу ахнула от восторга. Она ещё ни- когда не видела лошадей так близко. Только на фотографиях – она обожала книги и фильмы про лошадей, – но не вжи- вую. Не раздумывая, она бросилась к ним, пробираясь через высокую траву и яркие полевые цветы.

– Лу, погоди, – позвал Зак. Она замедлила шаг, но не оста- новилась.

– Всегда хотела покататься на лошади, – восторженно ска- зала она. – Интересно, нам можно будет? Наверное, да, мы же здесь пробуем всё лето...

– Лу... – Задыхаясь, Зак догнал её и ухватил за рукав. – Это не лошади.

– В смысле? – рассмеялась она. – Лошади, конечно, кто же ещё? Вон, смотри, там серая в яблоках, там гнедая, там

вороная...

Но тут лошадь, пасущаяся у ограды, повернулась к ней боком, и Лу застыла. Они походили на трофеи из вчерашнего странного сна, этих лошадей от настоящих отделяла одна большая особенность.

Длинный витой рог посреди лба.

– Это не лошади, – повторил Зак, крепче сжимая пальцы. – Это... кажется, это единороги.

9

Зак

Прислонившись к обшарпанному ограждению, Зак смотрел прямо в карие глаза единорога.

Сначала он решил, что ему это снится. Потому что единорогов не существует – по крайней мере, так он твердил себе, пока шёл к пастбищу, прижавшись к Лу. Он бы не удивился, если бы луг вдруг растаял, и всё это оказалось одним большим розыгрышем.

Но нет. Он смотрел в глаза крупному вороному коню с длинным костяным рогом длиной с руку, и сомнений не оставалось. На заднем дворе жили единороги.

– Может, рога ненастоящие? – предположил Зак. Говорить ему было сложно, но в этот раз не из-за приступа астмы. Просто сердце стучало так, что он сам удивлялся, как до сих пор стоит на ногах.

– Хочешь потрогать – вперёд, – сказала Лу, поглаживая бок пегой лошади с рогом из чистого серебра. – А видишь вон того беленького? Посмотри на гриву.

Зак выглянул из-за вороного коня и заметил единорога, про которого говорила Лу. Точно таких же Зак рисовал в «Саге о Диколесье» – с блестящим хрустальным рогом и гривой, переливающейся на солнце, как гирлянда на ново-

годней елке.

Та самая, из лавки тёти Мерле.

– Лу, – медленно сказал он. – Раз единороги существуют, значит...

Их взгляды пересеклись, и Зак догадался: они думают об одном и том же. Дрожащей рукой порывшись в рюкзаке, он достал незаконченный комикс и пролистал страницы.

Единороги. Драконы. Морские чудовища. Феи. Лу заглядывала ему через плечо, но в этот раз он даже не возражал.

– То есть это всё правда? – тихо спросила она, и Зак покачал головой.

– Я уже ни в чём не уверен.

Он убрал комикс в рюкзак, и они вновь посмотрели на пастбище.

– Мне вчера приснился кошмар про единорогов, – внезапно сказала Лу. – Ну, точнее, не совсем про них. Мне снилось, что я пошла в восточное крыло и нашла комнату с жуткими охотничьими трофеями. Только там были не обычные животные, а... единороги. Драконы. И феи.

– Это просто сон, – сказал Зак. Через бок вороного коня тянулась длинная зашитая рана – судя по отсутствию отёка, практически зажившая.

– Но я потом пошла туда, – призналась она. – Вчера после ужина. В тот же коридор, что и во сне. Но двери были закрыты на цепь с замком, и я не смогла их открыть. Но они настоящие, а значит...

Лу задумчиво на него посмотрела и направилась к конюшне. Выругавшись себе под нос, Зак оторвался от единорогов и пошёл следом.

– Лу, если животные настоящие...

– Значит, мама ничего не придумывала, – закончила она его мысль. – Диколесье – не просто название. Оно существует.

– Но этого же не может быть, – возразил он. – Если бы драконы и единороги существовали, мы бы про них знали. Весь мир бы знал.

Она не ответила. Просто толкнула двери конюшни, и они отворились – медленно и без скрипа.

Зак не знал, чего ждать – это, наверное, тёмный пыльный старый амбар. Но в конюшне было светло, просторно и чисто, пахло сеном и немного лекарствами, а сбоку длинным рядом тянулись стойла.

Глаза заслезились.

– Мы... мы куда... – попытался сказать он, но в итоге громко чихнул.

– Тш-ш! – Лу пригнулась, будто боялась, что сейчас из-за угла выскочит дядя Конрад. Но никто к ним не шёл – только где-то в глубине здания копыта нетерпеливо били о землю.

Но мгновение спустя с противоположного конца конюшни донёсся ещё один чих, только тише и тоньше. Сосредоточившись, Зак вытер нос, поправил маску и двинулся вперёд.

– Пойдём, – сказал он. – Хочу посмотреть, что внутри.

– С ума сошёл? – прошипела Лу. – Ты и так расчихался...

– Да это всё из-за сена, – ответил он и снова чихнул. – Зато хрипы прекратились. Ну что, ты идёшь или так и будешь сидеть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.